

сионального долго переводчика в экстремальных ситуациях. Языковое и речевое поведение переводчика – это основа его профессиональной деятельности, определяющая качество его работы, его профессиональную репутацию и личное восприятие мира. Это сложная профессия, требующая не только лингвистических знаний, но и высокой степени ответственности, эмпатии, культурной грамотности, а также постоянного самосовершенствования. Работа переводчика имеет ключевое значение для современного мира, способствуя пониманию, сотрудничеству и развитию отношений между разными народами.

1. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – М.: Восток – Запад, 2006. – 200 с.
2. Горегляд, Е. Н. Основы межкультурной коммуникации для специальности 1–02 03 04 Русский язык и литература. Иностранный язык: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост. Е. Н. Горегляд. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 56 с.
3. Стернин, И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж: Гарант, 2000. – 52 с.
4. Чупик, В. В. Национально-культурная специфика речевого поведения. – Минск: БГУ. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/42584/1.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).
5. Харченко, Е. В. Морфологические признаки частей речи в разнотипных языках (на материале китайского, русского и английского языков) / Е. В. Харченко, Цзин Байлян. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskie-priznaki-chastey-rechi-vraznotipnyh-yazykah-na-materialah-kitayskogo-russkogo-i-angliyskogo-yazykov/viewer> (дата обращения: 19.08.2025).
6. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

РОМАН «ПЕТЕРБУРГ» АНДРЕЯ БЕЛОГО КАК ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА И КУЛЬТУРНОГО МИФА

Горовой А.В.,

студент 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова. Андрей Белый, литература модернизма, деконструкция пространства, город-лабиринт, фрагментарность.

Keywords. Andrei Bely, modernist literature, deconstruction of space, labyrinth city, fragmentarity.

Город в литературе модернизма перестает быть статичным фоном, пассивной декорацией для разворачивающихся событий. Он превращается в живой организм, активно влияющий на сознание и судьбы героев. Творчество Андрея Белого в этом контексте представляет собой уникальную лабораторию по преобразованию традиционных способов изображения урбанистического пространства. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к проблемам художественного пространства и его связи с философскими и историософскими концепциями. В эпоху глобальной урбанизации и усложнения городской среды анализ моделей города в литературе прошлого века позволяет глубже понять механизмы взаимодействия человека с пространством. Цель данной статьи – проанализировать приемы деконструкции пространства в романе Андрея Белого «Петербург» и выявить, каким образом их совокупное воздействие формирует целостный образ города-лабиринта как ключевого символа эпохи.

Материал и методы. Основным материалом для исследования послужил текст романа Андрея Белого «Петербург», а также критические, литературоведческие и философские работы, посвященные творчеству писателя и философской концепции постмодернизма. Метод философско-культурологического анализа применялся для интерпретации художественных приемов романа в контексте философских идей постмодернизма.

Результаты и их обсуждение. Роман Андрея Белого «Петербург» представляет собой фундаментальный для литературы XX века опыт деконструкции городского пространства. Петербург у Белого – это не просто место действия, а главный герой, наделенный собственной волей, сознанием и разрушительной энергией. Деконструкция проявляется через комплекс художественных приемов, которые трансформируют реальный город в сюрреалистический лабиринт, отражающий кризис индивидуального и коллективного сознания. Однако для понимания глубины этого художественного жеста необходимо обратиться к историческому контексту формирования европейской урбанистической мо-

дели, которую Белый подвергает радикальному переосмыслению. Структура греческого полиса, основанная на принципах соразмерности и гармонии, представляла собой единство, целостное и завершенное. Полис был строго организован: его часто окружала стена, однако за её пределами также находились территории, принадлежащие полису, – например, земли хоры (χωρα), служившие сельскохозяйственными угодьями граждан. И полис, и хора представляли собой пространство закона, где действовали установленные нормы и правила, регулирующие жизнь граждан. Всё, что находилось вне этих пределов, воспринималось как пространство хаоса – чуждое, неупорядоченное и потенциально опасное [1, с. 7–11]. Существенным отличием полиса было наличие внутреннего закона, определяющего структуру взаимодействия между людьми. Именно эти нормы и правовые механизмы делали каждый полис уникальным и завершённым в своей организации.

В XX веке происходит окончательная смена парадигмы. Модернистский проект, с его верой в универсальный разум, прогресс, тотальные метанарративы и возможность создания идеального, рационально устроенного общества, исчерпывает себя. Эта исчерпанность, отмеченная мыслителями от Ницше до Лиотара, приводит к кризису и наступлению эпохи постмодернизма. Новая, постмодернистская парадигма отвергает саму идею единого центра, иерархии и универсальной истины. В градостроении это выражается в отказе от строгих канонов и интернационального стиля в пользу эклектики, пастеши и цитирования исторических форм. Город перестает восприниматься как целостный организм, спроектированный согласно единому замыслу, и распадается на множество фрагментарных, локальных пространств – торговых центров, спальных районов, деловых кварталов, лишенных общего языка и масштаба [2, с. 1–5]. Город постмодерна становится наглядным воплощением состояния постмодернизма: это пространство, где больше нет единого автора-творца, а есть лишь ироничная игра смыслов, симулякров и разрозненных историй.

Прототипы постмодернистских стратегий изображения пространства обнаруживаются уже в модернистской литературе. Например, роман Андрея Белого «Петербург» демонстрирует ряд черт, предвосхищающих постмодернистские приемы деконструкции. Парадоксальным образом само стремление Белого к тотальному упорядочиванию и геометризации городского пространства [3, с. 8] становится инструментом его последующего разложения.

Геометрия у Белого – это не принцип гармонии и ясности, как в классической традиции, а каркас, обнажающий абсурд и хаос, скрывающийся за фасадом имперской упорядоченности. Прямые линии проспектов, идеальные окружности площадей, параллелепипеды зданий и конусы шпилей создают не утопический идеал, а сюрреалистическую ловушку, математически выверенный кошмар. Эта навязчивая, почти маниакальная геометричность, доведенная до абсурда, и является первым шагом к деконструкции, так как выявляет искусственность, насильственность и мертвенность самого замысла петровского «парадиза».

Второй важнейшей стратегией является растворение объективной реальности города в субъективном пространстве сознания персонажей и автора-демиурга. Как справедливо отмечает Н. Г. Шарапенкова, цитируя слова А. Белого, подлинным местом действия романа является *«душа некоего неданного в романе лица, переутомленного мозговой работой»*, а герои – *«мысленные формы, недоплывшие до порога сознания»* [4, с. 1–2].

Петербург в художественном тексте предстает не как данность, а как порождение «мозговой игры», коллективного сновидения, в котором стираются границы между внутренним и внешним. Мысли материализуются, порождая персонажей, а городские локации существуют как маркеры, лишенные топографической точности, но наделенные сверхчувственным смыслом. Еще одним уровнем деконструкции, сближающим роман Белого с постмодернистской практикой, является его работа с мифопоэтическими кодами и интертекстуальностью.

Петербург у Белого предстает как поле перекодировки, игры со смыслами, где классические символы и мифы северной столицы подвергаются глубокой трансформации. Центральным локусом этой игры становится Медный всадник – не просто памятник, а сложный культурный символ, вбирающий в себя мифы о творении и гибели города, образы основателя-демиурга Петра и апокалиптические пророчества. Белый демифологизирует и заново мифологизирует пушкинский текст, сталкивая друг с другом различные историософские и культурные коды. Всадник лишается однозначности пушкинской

трактовки: его образ дан в тексте романа намеренно в двойственном ключе [5, с. 1–5], он одновременно и созидатель, и разрушитель, и символ государственной мощи, и воплощение апокалиптического ужаса. Деконструкция пространства в романе Андрея Белого – не формальный жест, а акт критики имперской парадигмы. Петербург как волевое творение Петра I, воздвигнутое на болотах и костях, предстает у Белого не просто как город, но как метафора давления воли над историей, над телом земли, над хаосом живой жизни. Геометрическая прямолинейность и рациональность, навязанные стихии, становятся визуальными кодами имперской воли к тотальному контролю. Белый превращает город в апокалиптический симулякр – пространство, где порядок доведен до абсурда, а архитектура становится орудием идеологического давления. «Петербург» – лабиринт власти, где фрагментация и распад отражают кризис имперской идентичности, неспособной удержать целостность. Разрушая миф о Петербурге как «окне в Европу», Белый вскрывает империю как искусственную конструкцию, обречённую на крах.

Заключение. Таким образом, хотя творчество Андрея Белого принадлежит эпохе модернизма, его художественные практики удивительным образом предвосхищают то, что позднее будет осмыслено как постмодернистская эстетика. Растворение объективной реальности в субъективном сознании, работа с симулякрами городского пространства и доведение логики модерна до абсурда, обнажающее его внутренний хаос, – все это прототипы стратегий, которые станут центральными для искусства и философии второй половины XX века. Роман Андрея Белого «Петербург» входит в перечень художественных произведений, обязательных к прочтению современными студентами [6, с. 67]. Очевидно, что литературный опыт писателя найдёт новое осмысление у читателей нового поколения.

1. Веселова, С. Б. Город. Между архитектурным проектом и информационной сетью / С. Б. Веселова. – «Издательские решения», 2015. – 305 с.

2. Богомолова, М. А. Становление философской концепции постмодернизма // Вестник ЧГУ / М.А. Богомолова. – 2008. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-filosofskoy-kontseptsii-postmodernizma> (дата обращения: 12.09.2025).

3. Драйсави Хуссейн Катим Маджди «Петербург» и «Петербургская тема» в романе А. Белого // Преподаватель XXI век / Х.К.М. Драйсави. – 2018. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburg-i-peterburgskaya-tema-v-romane-a-belogo> (дата обращения: 12.09.2025).

4. Шарапенкова, Н. Г. «Петербург» А. Белого как пространство сознания // Вестник ТГПУ / Н.Г. Шарапенкова. – 2012. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburg-a-belogo-kak-prostranstvo-soznaniya> (дата обращения: 12.09.2025).

5. Шарапенкова, Н. Г. Мифопоэтическое пространство романа «Петербург» Андрея Белого // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина / Н.Г. Шарапенкова. – 2012. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskoe-prostranstvo-romana-peterburg-andreya-belogo> (дата обращения: 12.09.2025).

6. Русская литература: история и современность: сб. учеб.-метод. комплексов по учеб. дисциплинам для спец. филолог. фак. / сост.: Е. В. Крикливец, С. В. Лапунов, Н. В. Голубович ; Учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова", Филолог. фак., Каф. литературы. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 210 с. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/13726>.

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ, НАПРАВЛЕННОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Григорьева М.А.,

аспирант 3 года обучения ГУО «Академия образования», г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Силкович Л.А., доктор пед. наук, доцент

Ключевые слова. Обучение иностранному языку, межкультурная коммуникативная компетенция, содержание обучения иностранному языку, культура, межкультурная коммуникация.

Keywords. Foreign language teaching, intercultural communicative competence, foreign language curriculum, culture, intercultural communication.

В условиях межкультурного взаимодействия на английском языке как *lingua franca* необходимым становится переориентация содержания обучения на формирование меж-